

Господинъ Великій Новгородъ.

„Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ“...

Страна. Уже въ глубокой древности Новгородъ владѣлъ обширными землями на єїверѣ Россіи. Страна эта была дикая и малонаселенная. Необозримой пологой тянутся дремучіе лѣса. Среди лѣсовъ огромную площадь занимаютъ болота: они широкимъ кольцомъ окружаютъ Новгородъ. Земля для хлѣбопашства неудобна глинистая, а мѣстами каменистая. Климатъдалеко не благопріятствуетъ посѣвамъ: утренніе морозы, сѣверные холодные вѣтры губятъ ихъ.

Первыми обитателями этой страны были финны, народъ дикій. Занимались они рыболовствомъ и охотой. «У финновъ чистая дикость, грустная бѣдность», пишетъ о нихъ римскій историкъ: «Нѣгъ ни оружія ни лошадей; ихъ шапка — трица, одежда — кожа, ложе — земля; вся надежда ихъ на стрѣлы. Охота кормить одинаково всѣхъ — и мужчинъ и женщины. Дѣтамъ пѣтъ другого убѣжища отъ не-

погоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплѣтиныхъ изъ вѣтвей».

Пришли славяне и вытѣснили финновъ. Въ занятой странѣ они занялись охотой и торговлей. Особенно усилились славяне, поселившіеся около озера Ильменя. Постепенно они образовывали обширное государство съ главнымъ городомъ Новгородомъ.

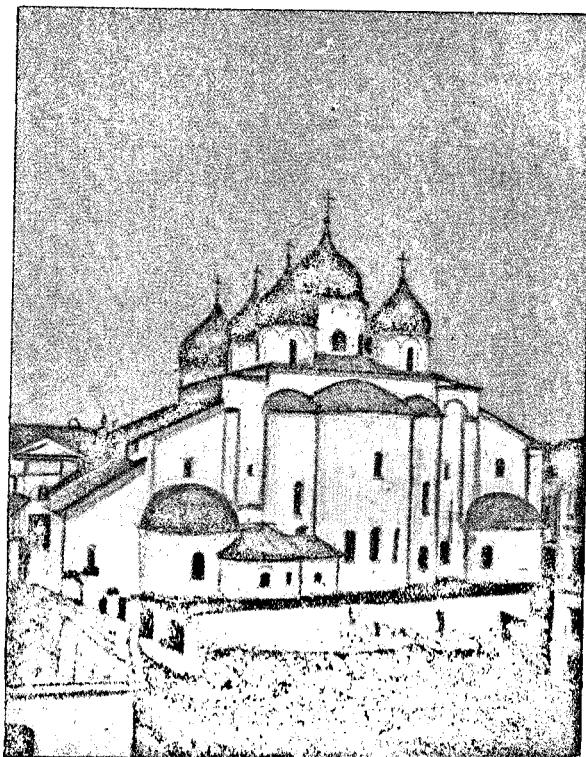
Городъ Новгородъ — одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Нѣть никакихъ извѣстій о времени его основанія. Рѣкою Волховомъ городъ дѣлился на двѣ стороны: на лѣвомъ берегу лежала Софійская сторона, на правомъ — Торговая. Обѣ части города соединялись Великимъ Волховскимъ мостомъ. На Софійской сторонѣ стоялъ дѣтинецъ, т.-е. новая крѣость, построенная Рюрикомъ, тогда какъ на Торговой сторонѣ находилось городище, т.-е. мѣсто старого города и крѣости. Софійской сторонѣ принадлежала главная новгородская святыня — соборный храмъ святой Софіи Премудрой (откуда эта сторона и получила свое название). Здѣсь, въ дѣтинцѣ, жилъ епископъ новгородскій. Здѣсь же при церкви св. Софіи, у владыки въ сѣняхъ, помѣщались главный судъ и управление; на полатяхъ въ храмѣ хранились всѣ законы и договорныя грамоты Новгорода.

На Торговой сторонѣ находилась площасть, которая называлась Ярославовымъ или княжимъ дворомъ, потому что здѣсь жилъ Ярославъ, когда княжилъ въ Новгородѣ. На этой площасти собиралось вѣче. Недалеко отъ Ярославова двора раскинулась обширная торговая площасть, и расположены были торговые дворы иноземныхъ гостей (гостями назывались купцы). Иноземные дворы были слѣдующіе: Варяжскій дворъ — старѣйшій изъ всѣхъ дворовъ иноземныхъ гостей, Нѣмецкій и Готландскій.

Каждая сторона Новгорода раздѣлялась на части, которые назывались концами: Всѣхъ концовъ было пять — три на Софійской сторонѣ и два на Торговой. Самый древній конецъ — Словенскій, находившійся на Торговой сторонѣ. Здѣсь впервые, очевидно, поселились славяне. Каждый конецъ имѣлъ свое отдельное управление — своего старосту, своихъ судей, жители конца собирались на свое вѣче. Всѣ

пять концовъ были обнесены крѣпкимъ землянымъ валомъ съ башнями и рвомъ.

Новгородъ управлялъ всѣми своими владѣніями и съ годами все болѣе и болѣе расширялъ ихъ, такъ что они занимали огромныя пространства: на сѣверъ — до Бѣлага

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

моря и Ледовитаго океана, на всѣокъ — до Уральскихъ горъ и даже за Уральскія горы. Расширеніемъ своихъ владѣній новгородцы въ большей степени обязаны своимъ вольнымъ лестамъ.

Вольные люди составляли огненную и беспорядочную толпу, всегда готовую на всякия безчинства. Въ общественной жизни они никакого участія не принимали. Среди нихъ были и

богачи и бѣдные. Отчаянныи пьяницы и гуляки, кулачныи бойцы вырашивались въ средѣ вольныхъ людей; отсюда же выходили удалыи молодцы, поджидавшии путника по лѣсамъ и большимъ дорогамъ.

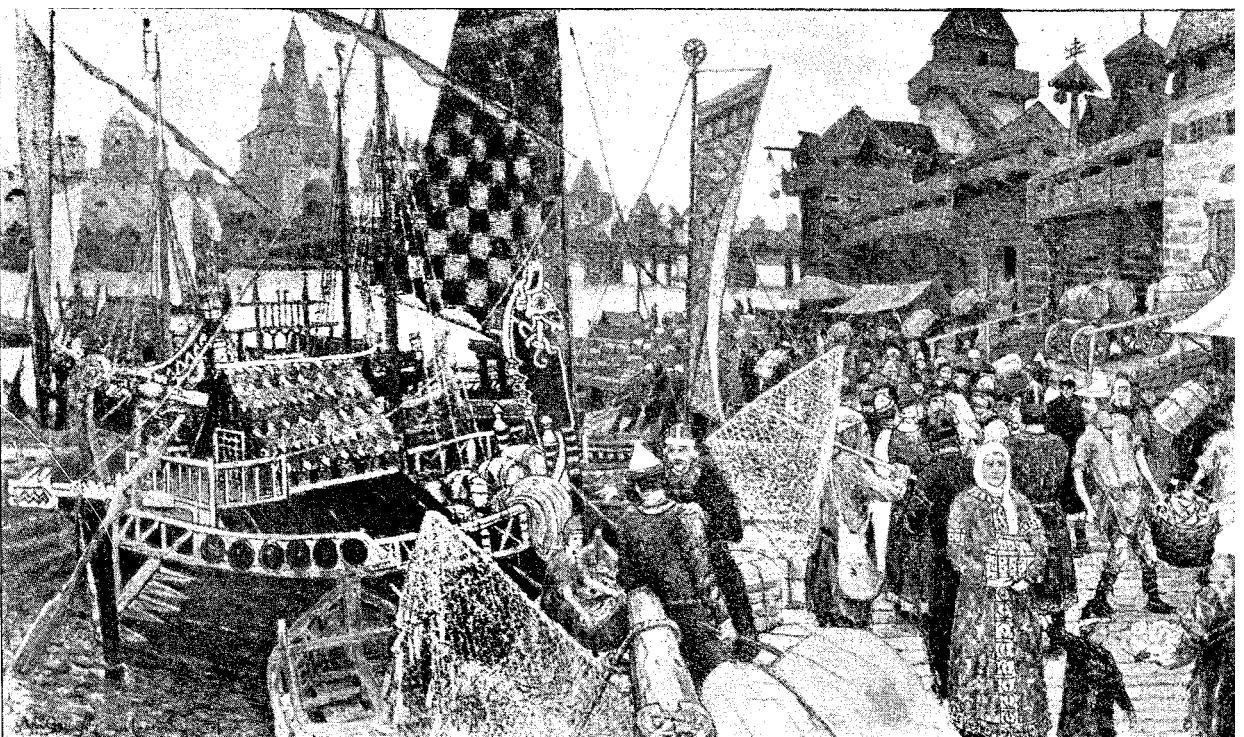
Но не однѣ только непріятности доставляли вольные люди своему родному городу. Иногда новгородская вольница соединялась въ отряды и шла искать простора и раздолбья въ другія мѣста, чаще всего на Волгу. Двигались они че рѣкамъ въ лодкахъ — ушкуяхъ, потому ихъ звали ушкуниками (а еще повольниками). Плохо отъ нихъ приходилось торговымъ караванамъ: товары грабили, людей убивали. Цѣлые области они захватывали и приводили ихъ подъ власть Новгорода.

Образъ повольника ярко обрисованъ въ былинѣ о Василіи Буслаевичѣ.

Жилъ въ Новгородѣ славный бояринъ Буслай. По смерти его осталась вдова Амелѣа Тимоѳеевна и сынъ Василій. Учился Василій грамотѣ, первомъ писать, учился пѣнью — и все это ему, Василію, въ наукѣ попало. Такой умный и сообразительный онъ былъ парень. Но сошелся онъ «со пьяницы, со безумницы, съ веселыми удалыми добрыми молодцами», да и самъ сталъ допьяна напиваться, а напившись пойдетъ по городу да народъ «уродствуетъ»: «котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; котораго задѣнетъ за ногу, тому ногу выломитъ». Стали «мужики новгородскіе, посадскіе, богатыи» матери его жаловаться, а мать начала Василія «журить-бранить, на умъ учить». Василію материно ворчанье не понравилось: пошелъ онъ

... во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчты:
«Кто хочетъ пить и ѿсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѿсь готовое,
И носи платье разноцвѣтное!»

«Ярлыки скорописчты» были разосланы по всему городу, и повалилъ къ Василію на дворъ народъ. Изъ при-

ходящихъ онъ оставлялъ только тѣхъ, кто выдерживалъ ударъ по головѣ вязомъ. Съ набранной дружиной молодцовъ Василій врывается непрошенный на пиръ къ посаднику. Здѣсь онъ заспорилъ съ новгородцами, что побѣдить ихъ всѣхъ въ открытомъ бою. Бой происходилъ на Волховскомъ мосту и кончился бы тѣмъ, что Василій Буслаевъ со своею дружиною перебилъ бы всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, если бы мать по просьбѣ новгородцевъ не уняла расходившагося сына.

Послѣ бурно проведенной жизни Василій пожелалъ заслить свои грѣхи раскаяніемъ и собрался въ Іерусалимъ: «смолоду бито много, граблено; надо подъ старость душу спасти».

Торговля. Положеніе Новгорода способствовало развитію въ немъ торговли. Онъ лежалъ при началѣ трехъ удобнѣйшихъ путей сообщенія: одинъ — великий водный путь вѣль въ Грецію, другой — по Волгѣ вѣль въ царство камскихъ болгаръ и далѣе Каспійскимъ моремъ — въ Персію, а третій — по Невѣ и Балтійскому морю — къ нѣмцамъ и шведамъ.

Главнымъ предметомъ новгородской торговли служили мѣха и рыба. Новгородскія владѣнія изобиловали всякимъ звѣремъ и рыбой. Звѣрей было такъ много, что иѣкоторые новгородцы рассказывали, что есть гдѣ-то на Востокѣ такія страны, гдѣ звѣри падаютъ изъ тучъ. Эти сказки свидѣтельствовали, что множество звѣрей поражало новгородцевъ. Много было и рыбы. Лѣтописецъ разсказываетъ: одинъ годъ было такое изобиліе рыбы, что люди ловили ее руками.

Торговля происходила исключительно мѣновая. Своего хлѣба не хватало на прокормленіе населенія: приходилось закупать его въ другихъ областяхъ, вымѣнивая на мѣха.

Главными поставщиками хлѣба въ Новгородъ являлись сосѣдня русскія области Московскаго княжества. Князья часто пользовались хлѣбною зависимостью новгородцевъ: стоило имъ во время войны не допускать въ Новгородъ подвозъ хлѣба, какъ тамъ наступалъ голодъ, и жителямъ приходилось идти на уступки.

На своихъ корабляхъ новгородцы отправлялись съ товарами въ разныя стороны. Времена были тревожныя. На рѣкахъ лихіе люди поджидали купеческіе караваны и грабили. Для защиты новгородскіе купцы имѣли при себѣ вооруженную стражу. Пользуясь ей, они и сами не прочь были пограбить, а иногда захватывали цѣлые области и отдавали ихъ во власть Великаго Новгорода.

Въ XIII вѣкѣ Русь была разгромлена татарами, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась торговля Новгорода съ Византіей, Персіей: татары отрѣзали путь, разрушили царство камскихъ болгаръ; но зато усилилась торговля съ нѣмецкими городами.

Нѣсколько нѣмецкихъ городовъ заключили торговый союзъ, который назывался Ганзейскимъ союзомъ. Во главѣ его стоялъ г. Любекъ. Для защиты отъ морскихъ разбойниковъ они имѣли свои боевые дружины, и суда отправлялись въ путь не иначе, какъ большими караванами. До устьевъ Невы ихъ провожали ганзейскіе военные корабли. Здѣсь же ихъ встречали новгородскіе лоцманы и морская стража и провожали до Новгорода. Недалеко отъ города суда останавливали для производства счета товаровъ, который облагали пошлиной. Въ Новгородѣ съ судовъ товаръ везли на лопадяхъ, при чёмъ плата извозчикамъ производилась по установленной таѣ.

Иноземцы приѣзжали два раза въ годъ, лѣтомъ и зимой. Зимой гостиѣ хали сухимъ путемъ черезъ г. Псковъ.

Торговый дворъ ганзейцевъ обнесенъ былъ высокой стѣной, охранялся нѣмецкой стражей и множествомъ цѣпныхъ собакъ. По договору, новгородцы не могли строить зданія около этого двора и держать здѣсь товаръ; не могли даже собраться около поиграть въ свайку.

Торговля съ нѣмцами была выгодна новгородцамъ, такъ какъ мѣха въ Западной Европѣ цѣнились высоко. Взамѣнъ ихъ Новгородъ получалъ цѣпныя въ Россіи вещи: серебро, соль, ткани, заморскія вина. Торговья сношенія и создали богатство и славу Новгорода и отличили его отъ другихъ русскихъ городовъ.

«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій—
Нобогаче меня славный Новгородъ!»

такъ восклицасть Садко, богатый купецъ новгородскій, что хотѣлъ скупить всѣ товары въ Новгородѣ, да не смогъ, какъ ни былъ богатъ.

Новгородскіе купцы соединялись въ артели. Чтобы быть настоящимъ купцомъ, нужно было принадлежать къ какой-либо артели или обществу. Особенное значеніе имѣло общество купцовъ, соединившихся около храма св. Иоанна Предтечи, или, какъ звали ее новгородцы, у Ивана Великаго въ Опокахъ. Каждый купецъ, вступившій въ это общество, имѣннуемое «Иваново сто», долженъ былъ внести опредѣленную сумму денегъ. Онъ дѣлался постояннымъ участникомъ «Ивановой сотни» и передавалъ это право дѣтямъ. Принадлежать къ «Иванову сту» было почетно, купецъ гордился этимъ. Если торговыя дѣла его разстраивались, то онъ получалъ материальную помошь изъ общественной кассы.

Управление Новгорода. Главное управление всѣми дѣлами Новгорода принадлежало самому народу, всѣмъ гражданамъ Господина Великаго Новгорода — богатымъ и бѣднымъ, боярамъ и купцамъ, а также всѣмъ чернымъ людямъ (такъ назывались мелкие торговцы, ремесленники, чернорабочіе люди и мелкіе земледѣльцы и т. п.). Вѣче считалось высшюю властію города. Оно приглашало князя и «показывало ему путь», т.-е. предлагало ему уѣзжать изъ Новгорода, если жители были имъ недовольны. Вѣче наряжало судь надъ всѣми другими властями; такъ, оно судило одного новгородскаго князя и обвинило его въ томъ, что онъ не защищалъ бѣдняковъ отъ притѣсненія богачей. Вѣче выбирало епископа, посадника, тысяцкаго, оно казнило и жаловало, объявляло войну и заключало миръ, издавало и отменяло законы, устанавливало подати и повинности. Словомъ, все, что принадлежало въ другихъ областяхъ князю, здѣсь вершило вѣче. Оно добилось такой власти постепенно, воспользовавшись междуусобицами князей, отдаленностью Новгорода отъ Киева.

Князь въ Новгородѣ являлся предводителемъ войска и охранителемъ порядка въ самомъ городѣ въ мирное время. Онъ былъ опытенъ въ ратномъ дѣлѣ, къ тому же имѣлъ постоянную дружину, которая могла оказать новгородцамъ существенную поддержку во время войны. Сами же новгородцы, народъ торговый и ремесленный, къ военному дѣлу неспособучный. Обычно ратники спѣшили пабирались передъ тѣмъ, какъ ити на войну, и безъ всякой предварительной подготовки шли въ бой. Насколько плохо было это войско, можно судить по тому, что московскій отрядъ въ 200 человѣкъ обратилъ въ бѣгство 5.000 новгородцевъ.

Приглашая къ себѣ того или другого князя, вѣче строго устанавливало его права. Крестнымъ цѣлованіемъ онъ давалъ обѣтъ «держать Новгородъ по старинѣ, по пошлини», т.-е. по установленвшемуся обычаю, а именно: во всѣхъ дѣлахъ онъ долженъ быть дѣйствовать не единолично, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго вѣческаго посадника: «Безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати», писалось въ договорѣ съ княземъ. На разныя низшія должности князь могъ назначать только новгородцевъ.

Князь получалъ вознагражденіе или «даръ», т.-е. въ его пользу собиралась опредѣленная сумма денегъ; кроме того, ему шла часть дохода отъ судебныхъ дѣлъ. Новгородцы давали князю и его мужамъ разныя угодья: пахотныя земли, сѣнокосы, рыбныя ловли, звѣринные гоны, по всѣмъ этимъ князь могъ пользоваться въ установленныхъ размѣрахъ и въ определенные сроки. Такъ, охотиться за кабанами князю представлялось право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; князь имѣлъ правоѣздить на рыбную ловлю въ Ладогу, но только не каждый годъ, а черезъ два года въ третій. Торговать съ иноzemными гостями князь самъ не имѣлъ права, но могъ производить торговлю черезъ посредство повгородскихъ купцовъ.

Новгородцы зорко слѣдили за исполненіемъ княземъ заключшаго договора; въ случаѣ нарушеній собиралось вѣче, которое «исправити вся вины его», указывало ему путь.

«Почему ты, князь, — сказали они одному князю, — за-владѣлъ всѣмъ Волховомъ и полями, всюду разставилъ своихъ ловцовъ? Зачѣмъ отнялъ дворъ у Алексы Мартынчика? Зачѣмъ взялъ деньги съ Никифора Мануски-чика? Зачѣмъ гонишь изъ города иноземцевъ, которые у насъ живутъ? Не можемъ больше, князь, терпѣть твоего начальства: уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя!»

Наравнѣ съ княземъ въ Новгородѣ стоялъ посадникъ, лицо выборное обыкновенно изъ среды бояръ. Онъ являлся главнымъ, кореннымъ представителемъ города во всѣхъ дѣлахъ. Всѣ грамоты и договоры имѣли его подпись и печать. Князь производилъ судъ только въ присутствіи посадника, какъ представителя новгородскаго народа. Военные походы князя происходили въ сопровождѣніи посадника: князь велъ свою дружину и повольниковъ, если они присоединялись къ нему; полки новгородскіе шли подъ начальствомъ посадника или тысяцкаго. Посадникъ вмѣстѣ съ епископомъ и выборными ѿздили приглашать въ Новгородъ князя. Главное — онъ являлся защитникомъ гражданъ отъ княжескихъ притѣсненій.

Посадникъ могъ быть смыщенъ только по опредѣленію вѣча, и то, когда онъ окажется въ чемъ-либо виновнымъ. Такъ, разъ князь сказалъ вѣчу, что онъ не можетъ править совмѣстно съ посадникомъ Твердиславомъ и требовалъ черезъ своего тысяцкаго смыщенія его. Тогда новгородцы спросили тысяцкаго: «Въ чёмъ виноватъ Твердиславъ?» Тысяцкій сказалъ, что Твердиславъ «безъ вины не угоденъ» князю. «Радуюсь, что на мнѣ нѣть никакой вины, — сказалъ Твердиславъ. — А вы, братья, вольны и въ князьяхъ и въ посадникахъ». Тогда вѣче сказали князю: «Княже! ежели нѣть за нимъ вины, то ты къ памъ кресть цѣловалъ, безъ вины мужа власти не лишили; тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, и мы не уступимъ». Пришлось уступить князю.

Тысяцкій — начальникъ «тысячи», т.-е. новгородскаго войска, по сану своему считался ниже посадника, но вмѣстѣ съ посадникомъ принималъ участіе въ управлѣніи городомъ.

Большое влияние на ходъ дѣлъ оказывалъ архіепископъ. Онъ и весь причтъ храмовой выбирался народомъ. Новгородцы были очень преданы своимъ приходамъ. Каѳедральный соборъ св. Софіи считался главной святыней Новгорода и символомъ его свободы и самостоятельности. «Постоимъ за св. Софію!» или «Умремъ за св. Софію!» раздавалось на вѣчъ во всѣхъ важнѣйшихъ слuchаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ главный представитель церкви, владыка новгородскій, былъ первенствующимъ лицомъ Новгорода и такимъ пользовался уваженiemъ, что безъ его благословенія не начиналось ни одно общественное дѣло. Онъ вмѣстѣ съ причтомъ св. Софіи и старостою церкви Іоанна Предтечи въ Опокахъ наблюдалъ за правильностью всѣхъ мѣръ и вѣсовъ. Владыкѣ принадлежали большія земельныя угодья. Онь имѣлъ даже свою дружину со своими знаменами и воеводами.

Какъ происходило вѣче. Вѣче созывалъ посадникъ или князь. Онь разсыпалъ по городу особыхъ лицъ, такъ называемыхъ бирючей, которые ходили по улицамъ и созывали людей на вѣче. По ихъ зову собирались концы города и улицы и шли со своими старостами и сотнями сперва къ посаднику. Посадникъ въ присутствіи тысяцкаго вельможа народъ на Ярославовъ дворъ. Сюда являлся и князь. Духовенство участія на вѣчѣ не принимало. Граждане, пришедши на Ярославовъ дворъ, размѣщались на опредѣленныхъ мѣстахъ: каждый конецъ и каждая улица на своемъ мѣстѣ. Князь, посадникъ и тысяцкій, а также и старые посадники и тысяцкие размѣщались на возвышеніи, которое называлось степенью. Около этой степени находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколь. Внизу башни помѣщалась вѣчевая канцелярія, тудѣ сидѣли дьяки и подьячіе и записывали решения вѣча и составляли грамоты. Грамоты писались отъ всего Новгорода такъ: «Отъ посадника Великаго Новгорода степенного (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго степенного (такого-то), и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ знатныхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На

въчѣ, па Ярославлѣ дворѣ. Положили сдѣлать...» Далѣе излагалось самое постановленіе въча. Къ грамотѣ привѣшивались печати посадниковъ, тысяцкихъ и пяти концовъ.

Всѣ дѣла заранѣе были подготовлены на совѣтѣ степенного посадника со степеннымъ тысяцкимъ, со старыми посадниками и тысяцкими и именитыми гражданами. Въче по большинству голосовъ принимало или отвергало предложеніе совѣта. Обыкновенно одна сторона старалась перекричать другую. Кто перекричить, того и верхъ. Съ этою цѣлью подкупали мужиковъ съ зычными голосами.

Когда побѣжденная сторона не хотѣла уступать, граждане раздѣлялись на два враждебныхъ въча: одно собиралось на Торговой сторонѣ, другое — у собора св. Софіи. Споръ рѣшался судомъ Божіимъ или поединкомъ. Противники сходились на большомъ Волховскомъ мосту и начинался страшный бой. Горожане калѣчили другъ друга, бросали съ моста въ Волховъ. Драка продолжалась до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ сдастся и побѣжитъ. Иногда же среди враждующихъ являлся владыка въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, въ сопровожденіи крестнаго хода, начиналъ благословлять враждующія стороны и тѣмъ вразумлялъ — кро- вопролитіе прекращалось.

Въче довольно часто кончалось боемъ на мосту. Дѣло въ томъ, что низшее сословіе Новгорода, черный людъ его, было въ большой кабалѣ у богатыхъ бояръ и купцовъ. Крайность заставляла ихъ продавать свой голосъ богатому боярину, кричать за него на въчѣ, а въ душѣ ненавидѣть его и таить противъ него непримиримую злобу. Иногда мѣра терпѣнія переполнялась и возникали рознь и скора, часто по очень ничтожнымъ поводамъ. Такъ, напримѣръ, простой, черный человѣкъ, по имени Степанко, схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ: «Господа, посите мнѣ на этого злодѣя!» Помощники сейчасъ же напали: избили боярина ибросили съ моста въ Волховъ, какъ преступника. Плыть здѣсь рыбакъ: жаль ему стало За боярина, принялъ онъ его къ себѣ въ лодку и спасъ. За это народъ разграбилъ домъ рыбака. Спасенный бояринъ рѣшилъ отомстить Степанку. Ему удалось захватить его. На-

площади тревожно забилъ вѣчевой колоколь — такія мя-
тежныя вѣча всегда собирались по звону колокола. И
чернь и бояре стали другъ противъ друга, при чемъ бояре
принаняли, конечно, себѣ въ помошь тѣхъ же черныхъ
людей. Вооруженная чернь стала разбивать домъ боярина
и всю улицу, гдѣ онъ жилъ. Бояре рѣшили освободить
Степанко. Архіепископъ пошелъ умолять народъ прекратить
грабежъ и извѣстить, что Степанко свободенъ. На-
родъ не послушалъ голоса владыки. На одной улицѣ чернь
получила отъ бояръ рѣшительный отпоръ. Тогда простой
народъ бросился на свою сторону съ крикомъ: «Софійская
сторона хочетъ дома наши грабить!» По всему городу по-
шелъ набатный звонъ, и народъ повалилъ съ обѣихъ сто-
ронъ къ Волховскому мосту, и открылось настоящее сра-
женіе. Въ довершеніе ужаса надъ городомъ разразилась
страшная гроза. Большихъ трудовъ стоило владыкѣ уговор-
ить враждующихъ прекратить братоубийство.

Съ годами вражда между богатыми и бѣдными все
обострялась, драки на мосту повторялись чаще и чаще, и
много гражданъ Господина Великаго Новгорода погибло въ
бурныхъ волнахъ родного Волхова.